

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О СИНЕЗИИ КИРЕНСКОМ

М. А. ВЕДЕШКИН
Институт всеобщей истории РАН
Институт общественных наук РАНХиГС
Balatar@mail.ru

M.A. VEDESHKIN
Institute of World History, Russian Academy of Sciences
School of Public Policy – RANEPА
A NEW BOOK ON SINESIUS OF CYRENE

ABSTRACT. A review of Miroshnichenko, E.I. (2021) *Synesius of Cyrene: Personality and Etiquette in Late Antique Epistolography*. St. Petersburg: Nestor-Istoria. 311 p.

KEYWORDS: Late Antiquity, Late Roman Empire, Late Antique epistolography, Sinesius of Cyrene.

В последние годы в зарубежном антиковедении наблюдается рост интереса к сборникам писем позднеримской эпохи – справедливо именуемой «золотым веком» античной эпистографии¹. Среди множества авторов, переписка которых традиционно вызывает интерес исследователей, почетное место занимает аристократ, философ и епископ Синезий Киренский, эпистолярное наследие которого является кладезем информации о политической, религиозной и интеллектуальной жизни восточной половины Римской империи конца IV – начала V столетия. При этом, вплоть до недавнего времени отечественные исследователи не уделяли Синезию того внимания, которое он, несомненно, заслуживает: изрядно устаревшая монография А. Остроумова², несколько статей³ – вот и все, что дала российская наука об античности для исследования трудов этой незаурядной личности. Эту историографическую лакуну призвана отчасти заполнить книга петербургского

¹ См. напр. Sogno, Watts 2018, 390; Allen, Neil 2020, 1.

² Остроумов 1879.

³ Напр.: Левченко 1951; Левченко 1956 (вторая статья de facto является пересказом труда К. Лакомбрада); Курбатов 1991, 136–72; Пржигодзкая 2013.

историка Е. И. Мирошниченко, уже успевшего зарекомендовать себя несколькими интересными работами о Синезии. В центре внимания исследователя не обстоятельства биографии киренского аристократа или же те или иные сюжеты социально-политической или религиозной истории, а его личность, а точнее авторская индивидуальность, которая, по мнению Е. И. Мирошниченко, раскрывается в допущенных Синезией нарушениях позднеантичного эпистолярного этикета.

Работу открывает пространное вступление (8–27), в котором автор обосновывает оригинальный метод своей работы. Вооружившись историсофскими конструктами М. М. Бахтина, Б. А. Успенского и В. М. Живова исследователь заявляет о необходимости преодоления историзма и той объективистской отстраненности от исследуемой проблемы, которую подразумевает данный принцип исторического познания. Историзму исследователь противопоставляет субъективистское познание людей прошлого посредством «собеседования», которое ученый якобы способен вести с их текстами. Е. И. Мирошниченко заявляет, что избранный им метод позволяет добиться конгенности с автором исследуемого текста, установить с ним особую эмпатическую связь, что по выражению исследователя, позволяет имитировать «задушевную беседу» с давно умершими людьми. Рассмотрим, к каким результатам привел этот неоднозначный интеллектуальный эксперимент.

В первой главе (28–40) представлен краткий обзор истории изучения авторской индивидуальности Синезии. Исследователь провел скрупулезный анализ множества трудов, прежде всего работ последних десятилетий, в которых так или иначе рассматривались различные вопросы авторского стиля киренского епископа. Подводя итоги историографического обзора, автор справедливо отмечает, что некогда господствовавший в исследованиях творческого наследия Синешия «исторический подход» в последнее время все более явственно сменяется «литературным», с заметным уклоном в сторону модной теории перформативности, то есть исследования бытования эпистолярных памятников как социокультурного явления. Учитывая заявленную автором приверженность этому методу, вызывает некоторое недоумение отсутствие анализа (и даже упоминания) ряда значимых работ последних десятилетий, результаты которых, думается, являются релевантными для рассматриваемого исследования. Это, в частности, коллективная монография о социальных связях представителей позднеантичного епископата под редакцией К.А. Кветкович и П. Гемейнхардта⁴, некоторые новейшие исследования,

⁴ Cvetković и Gemeinhardt 2019.

посвященные эпистолярным сборникам позднеантичной эпохи⁵, работы, посвященные отдельным письмам Синезия Киренского⁶, в частности его переписке с Гипатией⁷. Тем не менее проведенный Е. И. Мирошниченко анализ исследовательской литературы, в целом, заслуживает высокой оценки. Историография не остается простым фоном исследования – автор активно использует результаты научных споров последних десятилетий и в целом уверенно ориентируется в научной традиции.

Во второй главе (41–57) автор представляет обзор позднеантичных сборников писем и характеризует эпистолографический этикет эпохи. Предметом своего анализа исследователь избирает собрания писем Василия Кесарийского, Григория Нисского, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Либания⁸ и императора Юлиана. Свой выбор Е.И. Мирониченко оправдывает тем обстоятельством, что их эпистолярные коллекции являются наиболее известными сборниками писем грекоязычных авторов IV – начала V вв. С нашей точки зрения – это достаточно спорное обоснование для отбора источников. Думается, что для понимания особенностей творческого наследия Синезия, как минимум не менее важен анализ писем Исидора Пелусиота, который к слову сказать входил в число корреспондентов и самого киренского архиепископа (Isid. Pel. Ep. I.232; 241 [PG 78, col. 325–326; 329–330]), и его брата Евотпия (Isid. Pel. Ep. II.5 [PG 78, col. 555–585])⁹, а также переписки митрополита Кесарии Каппадокийской Фирма – еще одного позднеантичного епископа-аристократа, имевшего вкус к изящной эпистолографии. Далее, исследователь обращается к обзору существовавших в античности типов писем и норм их составления, переданных в сочинениях псевдо-Деметрия Фалернского, анонимного автора трактата «О типах письма» и послании Григория Назианзина к Никобулу. Анализ этих свидетельств позволяет Е. И. Мирошниченко охарактеризовать общие правила позднеантичной эпистолографии: письмо должно быть небольшим по объему, изящным по

⁵ Напр. Neil, Allen 2015.

⁶ Напр. de Francisco Heredero 2018; Petkas 2019.

⁷ Напр. Watts 2019; Markus 2020.

⁸ Автор ошибочно полагает, что на русский язык было переведено лишь девять писем Либания, опубликованных в сборнике «Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II–V века» под редакцией М.Е. Грабарь-Пассек. Исследователь не учитывает существование 4 писем в переводе Е.В. Афонасина (2010), шести писем в переводе Я. Алфионова (1880) и нескольких десятков писем в переводе С. Шестакова (1914, I: 445–510).

⁹ Впрочем, существует мнение, что Исидор переписывался с другим Синезием. См. Millar 2006, 217.

форме и более-менее свободным от сложных риторических оборотов. В заключении исследователь формулирует свой метод работы с избранными источниками – выявление нарушений общепринятого эпистолярного этикета в письмах означенных авторов, с целью фиксации персональных особенностей их стиля.

В третьей главе (58–73) подготавливая почву для анализа авторской индивидуальности в эпистолярном наследии Синезия исследователь оценивает письма каппадокийцев, Иоанна Златоуста, Либания и Юлиана на предмет их соответствия принятому эпистолярному этикету. Автор справедливо отмечает многочисленные нарушения различных норм классической античной эпистолографии у авторов той поры, прежде всего христиан и Юлиана Отступника. Следует согласиться со справедливым выводом исследователя, согласно которому из всех рассмотренных авторов наиболее полно следовать нормам составления писем пытался Либаний (что и не удивительно, учитывая то обстоятельство, что антиохиец был одним из самых прославленных риториков эпохи, а стиль его писем современники и потомки признавали образцовым).

Несмотря на то, что выводы автора в целом выглядят достаточно убедительно, некоторые из его положений представляются по меньшей мере спорными. К примеру, исследователь приводит послания Василия к Либанию как образец попытки архиерея следовать эпистолярному идеалу меры (61). При этом, Е. И. Мирошниченко упускает из виду что переписка кесарийского епископа и антиохийского ритора скорее всего является подложной¹⁰, а следовательно ее никак нельзя использовать для выявления особенностей стиля Василия. Далее, едва ли можно согласиться с утверждениями исследователя, о том, что появление чрезвычайно пространных писем-трактатов у христианских авторов и отступника Юлиана является следствием влияния на их стиль «апостольской» традиции. В III–IV вв. схожие тексты писались и «чистыми» язычниками, которых сложно заподозрить в подверженности влиянию новозаветных текстов. В их числе и «Письмо к Марцелле» Порфирия, «Письмо к Гимерию» Сопатра II, «Рисалат» Фемистия etc. Впрочем, далее Е. И. Мирошниченко все же склоняется к более взвешенной позиции, признавая, что характерное для позднеантичной эпистолографии стремление к персонализму нельзя сводить исключительно к влиянию христианской традиции – трансформация литературных норм являлась частью большого и сложного культурного процесса, который было бы несправедливо сводить исключительно к религиозным преобразованиям.

¹⁰ Nesselrath 2010.

В четвертой главе (74–91) автор анализирует наиболее распространенные, типовые эпистолярные топосы, используемые при составлении разных типов писем, а именно изъявление радости от получения нового письма, сетования на редкость писем, рекомендательные письма, утешительные письма, письма, сопровождавшиеся подарком. На основании полученных результатов исследователь приходит к выводу, что в IV – начале V в. происходит коренная ломка устоявшихся представлений об эпистолографии, постепенно сливающейся с такими литературными жанрами как проповедь, поучение, философский трактат.

Пятая и шестая главы (92–135; 136–166) непосредственно посвящены разбору писем Синезия. Е. И. Мирошниченко представляет общую характеристику сборника писем Синезия, рассматривает социальный статус его адресатов, оценивает язык и стиль писем, пытается выявить индивидуальные черты авторского стиля киренца, рассматривая особенности его реакции на различные эпистолярные ситуации. Далее, исследователь обращается к изучению авторской индивидуальности Синезия на основании наиболее личных писем его сборника, а именно посланий к его брату Евоптию, близким друзьям, наставнице Гипатии и т. д.

Несмотря на то, что, в целом, предпринятый автором анализ личной переписки Синезия оставляет положительное впечатление, некоторые выводы и положения исследователя представляются спорными. В частности, Е. И. Мирошниченко упоминает о никогда не существовавшей в ту эпоху должности *magister militum Aegypti* (149, прим. 5). Далее, недостаточно обоснованным представляется выдвинутый автором тезис о том, что, приняв сан Синезий был вынужден оставить свою жену (137; 143). Свою точку зрения исследователь подкрепляет упоминанием о том, что «по правилам того времени епископ должен был оставить жену, если он был женат». При этом он, кажется, упускает из виду, что в рассматриваемую эпоху безбрачие было желательным, но далеко не общепринятым условием занятия епископской кафедры¹¹. Иными словами, у нас нет никаких веских оснований полагать, что Синезия принудили развестись. Едва ли можно согласиться и с предложенным авторским объяснением причин разрыва Синезия с «кружком» Гипатии. Е. И. Мирошниченко полагает, что, отказавшись от общения со своим киренским другом язычниками-александрийцы проявили такт и даже благородство, не «желая компрометировать своей личной перепиской такого видного церковного деятеля» (162; 179). Однако существует более простое объяснение причин столь болезненного для Синезия разрыва с его бывшими товарищами – они более

¹¹ См. напр. Gryson 1970, 64ff.

не желали иметь ничего общего с человеком, публично солидаризировавшимся с александрийской Церковью, а следовательно, и ее главой Феофилом, которого жители столицы Египта имели все основания считать погромщиком и убийцей.

В седьмой и заключительной главе рассматривается социальная перформативность в переписке Синезия (167–189). Используя метод анализа социальных связей, разработанный А. Шором, Е.И. Мирошниченко выстраивает карту социальных контактов Синезия (к слову сказать неполную – в нее, к примеру, не включен Исидор Пелусиот), исследует «узлы» его общественных связей, к числу которых он причисляет, киренский «круг» родичей и друзей Синезия, александрийский «круг» Гипатии, константинопольский «круг» Троила и церковный «круг» Феофила и Кирилла. Автор справедливо отмечает, что несмотря на смену сферы общения Синезий оставался верен этосу восточноримского аристократа и продолжал использовать социальные стратегии, принятые в его среде. Сравнивая корпус синезиевых писем с эпистолярными сборниками других авторов, исследователь декларирует уникальность его источника. По его мнению, Синезий – единственный писмописец той эпохи, чей круг общения не определялся религиозными предпочтениями (170). Данное заявление представляется по меньшей мере спорным. В корпусе писем каппадокийцев можно найти немало посланий, адресованных корреспондентам-язычникам¹², а среди эпистолярного наследия Либания и Юлиана – писем, получателями которых были последователи новой веры¹³.

В заключении автор подводит итоги своего исследования и делает вывод о том, что авторская индивидуальность Синезия проявлялась в его творческом отношении к эпистолярному этикету.

Монографию завершает три приложения. В первом из них представлен выполненный Е. И. Мирошниченко высокохудожественный перевод шестнадцати писем Синезия (193–219). Эта работа демонстрирует превосходное знание автором греческого языка и заслуживает самой высокой оценки.

Второе приложение представляет собой очерк истории изучения философских взглядов Синезия (220–243). В целом, автор проанализировал все или почти все труды, в которых так или иначе поднимался вопрос об отличии

¹² Напр. Vas. Caes. Ep. 1; Greg. Nyss. Ep. 13; 14; Greg. Naz. Ep. M10/S230/MDA8; M236/S241/MDA238 (нумерация писем епископа Назианза приведена по изданию мавристов и Миня [М]; Сторина [S] и Московской Духовной Академии [MDA]).

¹³ О переписке Либания с христианами, см. напр. Burt 2006. Примеры переписки Юлиана с христианами: Jul. Ep. B90/W55/Ф46; B31/W14/Ф17; W15/Ф25 (нумерация писем императора приведена по изд. Биде и Кюмона [В]; Райт [W] и Фурмана [Ф]).

тельных чертах философствования киренского аристократа. Впрочем, исследователю не всегда удастся верно передать взгляды его предшественников. К примеру, рассказывая о воззрениях А.И. Марру на философию Синезия Е. И. Мирошниченко сообщает, что киренский епископ не был знаком с трудами Прокла Диадоха. Этот подкупающий своей новизной и оригинальностью тезис – на момент смерти Синезия (ок. 413 г.), родившийся в 410 (или в 412) г.¹⁴ Прокл еще не умел писать – очевидно следует из неверного прочтения текста Марру¹⁵.

В третьем приложении речь идет о специфике понятия «эллинизм» в трудах Синезия (244–262). Автор доказывает, что синезиевы представления о сущности «эллинства» отличались от воззрений ряда авторов, обозначивших этим понятием приверженность языческим культам. Пожалуй, следует согласиться с мнением Е. И. Мирошниченко, согласно которому «эллинизм» Синезия носил не религиозный, а исключительно культурный характер.

Завершая разговор о содержательной части исследования представляется необходимым сделать несколько замечаний общего характера. Прежде всего, представляется, что один из основных тезисов работы, согласно которому, «Синезий был наиболее персоналистичным автором из всех известных нам эпистолографов того времени» (91) так и остался недоказанным. Как уже говорилось выше в рассматриваемом труде был предпринят анализ творчества всего лишь шести из десятков эпистолографов позднеантичной эпохи. На основании столь ограниченной источниковой базы говорить о каком-либо первенстве или исключительности Синезия очевидно не приходится. Кроме того, Е. И. Мирошниченко так и не смог представить сколь-либо объективные критерии оценки этой индивидуальности. Если принять за таковые нарушения эпистолярного этикета, то определение степени оригинальности их автора следовало бы оценивать на основании частотности этих нарушений во всем корпусе его писем, после чего необходимо было бы сравнить ее с аналогичными данными всех остальных эпистолографов той эпохи. Решение подобной научной задачи совершенно непосильно для одного исследователя. Наконец, сама по себе необходимость оценки того или иного автора на основании столь субъективного критерия как «персоналистичность» представляется неочевидной.

¹⁴ Siorvanes 1997, 1.

¹⁵ Marrou 1963, 131: «We do not find in them (т.е. в работах Синезия – М.В.) anything like the knowledge of earlier authors displayed by a (sic!) Porphyry or a (sic!) Proclus...».

Далее, в ряде случаев Е. И. Мирошниченко принимает литературный топос за проявление личностных качеств и переживаний своего героя. В частности, письмо к Олимпию в котором Синезий заявляет о своем нежелании принимать епископский сан (Syn. Ep. 96), исследователь объявляет «одним из самых личных писем не только у Синезия, но и во всей позднеантичной эпистолографии» (156). При этом рассказ Синезия о том, как он пытался уклониться от вступления на птолемаидскую кафедру в точности повторяет сообщение Павлина Медиоланского о нежелании Амвросия принимать епископский сан (Paul. Med. V. Amb. 6–9): народ требует Синезия/Амвросия в епископы; тот бежит из города, чтобы поразмыслить; в конце концов он сдается, и принимает неизбежное.¹⁶ Та же схема просматривается и в рассказах об узурпациях Константина I (Pan. Lat. VI.8.3–5) и Юлиана Отступника (Amm. XX.8.8–10): солдаты требуют, чтобы Константин/Юлиан принял верховную власть; охваченный ужасом претендент на престол пытается скрыться и обдумать свое положение; взвесив все «pro et contra» он соглашается занять престол. Налицо единая литературная модель. По сути, исследователь упускает из виду, тот факт, что нарочитый отказ от занятия какой-либо поста – норма поведения позднеантичного аристократа. Иными словами, в письме к Олимпию Синезий скорее всего писал, не то, что он думал относительно перспективы хиротонирования, а то, что человек в его положении *должен был* написать, чтобы сохранить свою репутацию в глазах представителей образованного общества. Следовательно, ничего специфически «личного» в этом письме нет.

С нашей точки зрения, монография могла бы сильно выиграть от включения в нее главы с кратким обзором основных вех жизненного пути киренского аристократа. Несмотря на то, что сам автор признает, что для понимания «особенностей личности и творчества» епископа необходимо быть сведущим в биографии Синезия, никакого хоть бы и самого краткого жизнеописания своего героя он не предоставляет, ограничиваясь ссылкой на работы Дж. Брегмана (92). В результате, Синезий как бы обрушивается на неподготовленного читателя. Едва ли можно ожидать, что студент или даже исследователь-профессионал, не занимающийся позднеантичными сюжетами, запросто вспомнит в чем состояла суть конфликта Синезия с Юлием или Андроником, с какой целью молодой аристократ ездил в Константинополь и т. д.

¹⁶ Ср. с либаниевым описанием избрания его бывшего ученика Оптима на кафедру Антиохии Писидийской (Lib. Ep. F1544).

К числу «технических» недоработок относится разноречивость в оформлении цитат: иногда автор приводит полный текст оригинала, в других случаях – только часть, а подчас и вовсе обходится без греческого, оставляя лишь русский перевод цитируемого отрывка. Кроме того, автор не всегда соблюдает единообразие при транслитерации имен собственных. К примеру, один из корреспондентов Синезия именуется то Феотимом, то Теотимом (126; 182; 251). Наконец, в ряде случаев в тексте встречаются ненужные дубли. К примеру, дважды приводятся почти полностью идентичные филиппики в адрес перевода трудов Синезия, выполненного Т.Г. Сидашем (99, прим. 10; 264, прим.1), дословно повторяется обширный абзац, посвященный анализу письма к Олимпию (155–156; 175–176).

Давая общую оценку книге Е. И. Мирошниченко, необходимо отметить ее безусловный новаторский характер. Работу отличают концептуальная целостность и богатство фактического материала. Монография написана хорошим литературным языком. Автор смог удачно сочетать, с одной стороны, научность изложения, а с другой – определенную художественность повествования. Благодаря этому, работа, несмотря на многочисленные пассажи аналитического и теоретического характера, читается достаточно легко. В целом, несмотря на ряд спорных положений работа, несомненно, займет достойное место в ряду исследований позднеантичной эпистолографии, в целом, и писем Синезия, в частности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алфионов, Я. И. (1880) *Император Юлиан и его отношение к христианству*. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа.
- Афонасин, Е.В. (2010) “Ямвлих в Афинах,” *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 4(2), 246–255.
- Курбатов, Г. Л. (1991) *Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли*. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Левченко, М. В. (1951) “Синезий в Константинополе и его речь «О царстве»,” *Ученые записки ЛГУ* 18, 222–49.
- Левченко, М. В. (1956) “Пентаполь по письмам Синезия,” *Византийский Временник* 9(34), 3–44.
- Остроумов, А. (1879) *Синезий, епископ Птолемаидский*. М.: Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман.
- Пржигодзкая, О.В. (2013) “Синезий, епископ Птолемаидский: очерк жизни и творчества,” *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии* 2, 138–46.
- Шестаков, С. (1914) *Речи Либания*. Т. I. Казань: Типо-литография Императорского Университета.
- Allen, P., Neil, B. (2020) *Greek and Latin Letters in Late Antiquity: The Christianisation of a Literary Form*. Cambridge; New York (N.Y.).

- Burr, E. (2006) "Libanius of Antioch in Relation to Christians and Christianity: the Evidence of Selected Letters," *Topoi. Orient-Occident* 7, 63–76.
- Cvetković, C. A., Gemeinhardt, P. (eds.) (2019) *Episcopal Networks in Late Antiquity: Connection and Communication Across Boundaries*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH.
- Francisco Heredero, A. de (2018), "„Nobilis“, filósofo, obispo. Sinesio de Cirene y la incorporación de la aristocracia provincial en la Iglesia tardoantigua," *Gerión. Revista de Historia Antigua* 35, 619–643.
- Gryson, R. (1970) *Les origines du célibat ecclésiastique du premier au septième siècle*. Gembloux: J. Duculot.
- Markus, D. (2020) "Harmonizing Binaries: Hypatia's Synesius," *The International Journal of the Platonic Tradition* 15(1), 49–81.
- Marrou, H. I. (1963) "Synesius of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism," *The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*, ed by A. Momigliano, Oxford: Clarendon Press, 126–50.
- Millar, F. (2006) *A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II (408-450)*. Berkeley: University of California Press.
- Neil, B., Allen, A. (eds.) (2015) *Collecting Early Christian Letters: From the Apostle Paul to Late Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nesselrath, H.-G. (2010) "Libanio e Basilio di Cesarea: un dialogo interreligioso?," *Adamantius* 16, 338–52.
- Petkas, A. J. (2019) *Synesius of Cyrene and the Politics of the Late Antique Philosophical Letter*. Princeton, NJ: Princeton University.
- Siorvanes, L. (1996) *Proclus: Neo-Platonic Philosophy and Science*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Sogno, C, Watts, E. J. (2018) "Epistolography," *A Companion to Late Antique Literature*, ed. by E. J. Watts, S. McDill, New York: John Wiley & Sons, Ltd., 389–400.
- Watts, E. J. (2019) "Hypatia in the Letter Collection of Synesius," *The Fifth Century: Age of Transformation. Proceedings of the 12th Biennial Shifting Frontiers in Late Antiquity Conference*, ed. by N. Lenski, J. W. Drijers, Bari: Edipuglia, 287–95.

References in Russian:

- Afonasin, E. V. (2010) "Jamvliĥ v Afinah," *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 4(2), 246–255.
- Alfionov, J. I. (1880) *Imperator Julian i ego otnoshenie k hristianstvu*. M.: Tipografija Je. Lissnera i Ju. Romana.
- Kurbatov, G. L. (1991) *Rannevizantijskie portrety: k istorii obshhestvenno-politicheskoj mysli*. L.: Izdvo Leningradskogo universiteta.
- Levchenko, M. V. (1951) "Sinezij v Konstantinopole i ego rech' «O carstve»,» *Uchenye zapiski LGU* 18, 222–49.
- Levchenko, M. V. (1956) "Pentapol' po pis'mam Sinezija," *Vizantijskij Vremennik* 9(34), 3–44.
- Ostroumov, A. (1879). *Sinezij, episkop Ptolemaidskij*. M.: Tip. Je. Lissner i Ju. Roman.
- Przhigodzkaja, O. V. (2013) "Sinezij, episkop Ptolemaidskij: ocherk zhizni i tvorchestva," *Religija. Cerkov'. Obshhestvo. Issledovanija i publikacii po teologii i religii* 2, 138–46.
- Shestakov, S. (1914) *Rechi Libanija*. T. I. Kazan': Tipo-litografija Imperatorskogo Universiteta.